

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Плач о реке Нарове 1665 г.

В Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР хранится рукопись № 32.5.7, весьма любопытная по обстоятельствам своего составления. В печатные описания рукописных собраний Библиотеки Академии Наук рукопись эта не вошла, хотя часть материалов из нее (указы шведских королей Карла X и Карла XI) и была в свое время опубликована в издании «Акты, собранные в библиотеках и архивах российской империи Археографической экспедицией при имп. Академии Наук», т. IV, 1836 г.¹

Как явствует из записей и дат в самой рукописи, она писана в Стокгольме в 1665 г. жителем Ругодива Леонтием Петровичем Белоусом. Почерк рукописи — белорусская скоропись XVII в. В языке часты белоруссизмы и украинизмы. Украинизмы для белорусских грамотных людей XVII в. — вообще явление характерное,² в связи с притоком в Белоруссию украинских ученых и грамотных людей, белоруссизмы же, повидимому, составляют для Белоуса явление, определяющее его национальность. Приведу примеры характерных для рукописи языковых явлений. Отвердение *ч* — *протшая* (л. 2), *протших* (л. 2), с *протшим* (л. 2). *порутшики* (л. 44), *наротшиито* (л. 36 об.) Отвердение некоторых конечных согласных — *червъ* (л. 2), *крепостъ* (л. 89 об.), *естъ* (л. 1 об., л. 2). Смешение *и* и *е* — *жинами* (л. 1 об.), *возли* (л. 36); смешение *е* и *я* — *месеца* (л. 1 об.), *нелзе* (л. 36), *е* в окончании глаголов третьего лица ед. и мн. числа: *сталосе* (л. 1 об.), *явилося* (л. 1 об.), *есте* (л. 1 об.), *укоренилося* (л. 1 об.), *славилосе* (89 об.), *срамляютсе* (л. 89 об.). Белоруссизмы и украинизмы характерны также и для лексики рукописи — *не пшевал* (л. 1 об.), *дружебне б жити* (л. 1 об.), *ще еще* — (л. 1 об., л. 89 об.) и др.

Любопытной чертой сборника является также наличие в нем арабских цифр (наряду с церковно-славянскими буквенными) и летосчисления „от рождества Христова“ (наряду с летосчислением „от сотворения мира“).

¹ Стр. 112—113 и 183—185.

² Е. Ф. Карский. К истории белорусского языка в XVII столетии. Известия ОРЯС, т. III, 1930, кн. I.

Всего в рукописи 90 листов in folio. Листы 3—7, 9—19, 22—23, 28—31, 33—34, 38—39, 46—75, 76—79, 82—85 и 87—88 — чистые. Листы 62—70 порваны. Между листами 75—76 часть листов вырвана. Переплет рукописи кожаный, на деревянной основе, шведской работы. Задняя доска переплета сломана. На наружной верхней части переплета масляными красками изображен герб шведского короля. Над гербом полустершаяся трудно разбираемая русская надпись масляными красками. К переплету (обычному в Швеции — без застежек) грубо приделаны завязки, которые должны были, очевидно, заменить русские застежки.

Рукопись украшена большим количеством заставок и инициалов. Выполнены эти заставки и инициалы золотом, чернилами и грубыми красками: частью (в начале) краски эти разведены на масле (на бумаге следы растекшегося масла; Белоус, очевидно, не знал, как и все русские в XVII в., употребления масляных красок); затем те же грубые краски (особенно часто употребление плохо растертой красной краски) разведены на клею или воде. Обильно применено золото. В самой технике рисунка заметна уместность привыкшего к русскому заставочному материалу мастера. Заставки, инициалы и копии шведских печатей имеются на листе 21—21 об. (7), на листах 24—27 (29), 32—32 об. (4), 35—37 (8), 40—41 (10). Всего 58 изображений. На листе 20 изображен шведский герб (такой же, как и на переплете). На листе 80 изображена „София Премудрость божия“.

На последнем — 90-м листе запись Белоуса о смерти его отца — Петра Павлова Белоуса — 19 января 1666 г. На этом же листе запись Ротки Григорьева сына Рохнова о принадлежности книги Яргину. На листе 1 более поздняя надпись о принадлежности книги Федору Иванову. На листах 8, 76, 86 об. и 89 — различные малозначащие позднейшие записи.

По содержанию рукопись представляет собою в основном собрание копий со шведских королевских указов, касающихся русских жителей Нарвы и Ивангорода. Частично указы эти даны в ответ на различные челобитья русских жителей тех же городов. Все копии писаны рукою самого Белоуса, воспроизводят подписи под указами и печати. Большинство инициалов и заставок также, очевидно, является имитацией тех заставок и инициалов, которые имелись в подлинниках королевских указов. Как явствует из приводимых ниже вступительных статей сборника, свое собрание Белоус выполнил в Стокгольме для своего друга Яргина, после свидания с ним, очевидно, в помощь ему и другим жителям Нарвы и Ивангорода. Один из указов касается самого Яргина (л. 42 об.).

Содержание сборника таково.

Предисловие

Ныне, господин, тое сталосе по любви от отца и господа нашего Исуса Христа, благоизволением, по его милости. И то зде явилосе межн нашей любви Яргина з Белоусом. Да хотя и не шевал Яргин прияти — ино в велелепоту устроилосе таковскою ведею, да и дружеством совокупилися, ще жинами и ест друзи. Да и то лежит не токмо

межи нами, но бы да и так и в корене укоренилося в наших наследниках: дружбно бы жити праведным и истинным союзом. Совершеннаго деяния нечто всесильный своим изволением и устройством дополнит. Да для любви Белоусов не отказал и Ергину дружбную титулу ему положил на бумаги. И послано, что есте писано в Стокхольме

в 3. 6. 6. 4. году ноября месеца кн. д.

4. 7. 7. 6.

1665.

Приветствие к сротству, речю по разорению припатши с любовью и говорит те речи

О, мой государь, из ложе отца нашего от честнаго корени возрастет цвет или крин ветвие утрудися, но не до конца воздаите вышнему обеты наша, да не во искушение поработают чада отец их. Сладостно зрю лице твое, аки виноград во время приятия гроздия. Вино из растена сытища шели (?) их. Мы же радуемся о видении лица, сладчая аки приемца по истинне, злата чиста честнее или бисера от камени многоценна или от Аравии принисе, или виноград от Египта, или сынове чудных. Не потрудися, да и здравствую тя и протшая с вами.

Приветствие другу

Друга моего обзрех и сердцем увеселихся. О рехи разума окруженные стены тверды, любовию убо умудрихся и союза еще тверда, аки черв адаманта не коснется зане укрепися твердыня, его, от вышняго все ест создано, о истинне не молчит, а наученным разума воздает правду. Кто ли взыде от леторасли, но любовию свяжем протших, потом мир ти и зравствую с протшим.

(л. 20) Полный титул шведского короля Карла XI.

(л. 21) „Королевского величества милостивои указ на те стати, которые Ругодивские приграды торговые люди греческой веры покорно естъ бьют челом. Дано в Стокхольме, ноября въ 20 день, лета 1654, 163 году“. Следует текст указа короля Карла XI: напечатан в „Актах, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею при Академии Наук“, т. IV, 1645—1700, СПб., 1836, стр. 112—113.

(л. 24) Указ Карла XI Ругодивскому генерал-губернатору по челобитью русских людей посада Ругодива, 4 июля 1662 г. Напечатан там же, стр. 183—185.

(л. 35 об.) Грамота Карла XI „к суперденту“ по челобитью Ругодивских русских жителей, 4 июля 1662 г.

(л. 36) Грамота его же генерал-губернатору Торудая по челобитью Ивангородских русских людей, 1 августа 1662 г.

(л. 36 об.) „Список с чолобитной“ Карлу XI Белоусова и Жданова от Ивангородских русских жителей о том, в основном, чтобы их не выселяли из Ивангорода на пристань за деревню Юлду.

(л. 40) „Привилея“ Карла XI Ивангородским русским жителям, 29 ноября 1664 г., указывающая генерал-губернатору избрать для поселений ивангородцев иное место.

(л. 41 об.) Грамота его же Ивангородскому генерал-губернатору, 29 ноября 1664 г.

(л. 42 об.) Указ его же по спорному делу о наследстве Петра Китаева между Федором Ергинным и Кандратьем Тимофеевым, 29 ноября 1664 г.

(л. 45) Грамота его же генерал-губернатору Бентгорну по иску Ергина в Каплиной кобале, 2 декабря 1665 г.

(л. 80 об.) Два тропаря и два кондака св. Софии Премудрости божьей.

(л. 89 об.) Стих, обращенный к реке Нарове; привожу его полностью, сохраняя разбивку на строки оригинала.

О плач Наровеск

О преславная Нарова, почитаема ото всей населной братии
нашей

И славиласе ими зело и славити ся имущей.

О преславная Нарова, от твоего недра изято бе страшнаго
бога

Изволением на пищу плоти человечестей.

О преславная Нарова, имя твое Нравленное, от езера исхо-
димое

И до моря врмскаючи, смещаяся недра твое, племя мое.

О преславная Нарова, аще забудем тебя, егда изведени

С плачем и воплем многим, иж срамляются суседи наши зрети

Ны в толиком смиренни и бесъчестьи и срамоте.

О преславная Нарова, тебе страшный бог увеличил богатством
недр и плоти нашей и к воспитанию царем и владыкам
богатым

и малым всем удоволися.

О преславная Нарова, слава твоя помолчала. В недре твоём
уселися населицы, нищетуяют нищетующе с погибелью.

О преславная Нарова, струя твоя яснейшая, по ней же попол-
зая жен плачивыя сетующе в погибели велицей, нази-
рающе мужа, от нея же разлучися з бесчестием.

О преславная Нарова, возвеличим господа с нами, ибо той
содетел наш и крепост и сила и слава наша и величе-
ство и избавление

и наставник и похвала и содержител, слава тебе.

О преславная Нарова, свидетеля тя имеем. Но господь наказа
мя разумети свое величество. Хвалю тя безначальный
боже.

Как видно из приведенного материала, составитель сборника — автор „стиха“ о реке Нарове — Леонтий Белоус, человек белорусской культуры, не очень талантлив и самостоятелен в своем произведении. Его „Предисловие“, „Приветствие к другу“ и самый плач о реке Нарове написаны в витийственной манере. Плач многими чертами напоминает по форме акафист. Применение церковно-богослужебной формы к светскому содержанию — явление типичное для XVII в. (превращение жития в светскую автобиографию, превращение сказаний о чудесах от икон в произведения светско-повествовательного типа и т. д.).

Главный интерес и плача, и сборника в целом в том, что он отражает литературную культуру тех областей Русского государства, которые почти на столетие оказались оторваны от него и тем не менее сохраняли с ним живую идейную связь. Сборник отражает психологию русского человека, оказавшегося в обстановке непрерывной борьбы

с давлением иностранного государства, но сохраняющего живое чувство любви к родине, тоску по оставленным местам, жалость к своим страдающим соотечественникам, стремление им помочь. Чувства этого человека тем более показательны, что почти одновременно с ним (через три года — в 1668 г.) в Стокгольме появился Котошихин, также писавший там записку, но не для своих соотечественников, а для их врагов.

Об этих русских, живших во временно отошедших к Швеции местах, мы имеем, кроме рукописи Белоуса, только одно свидетельство — свидетельство Олеария. Олеарий описал Нарву при своем проезде через нее в 1633 г. Он был в русской части Нарвы, т. е. в Ивангороде, и наблюдал там плач русских женщин по покойным. Как и Белоус, Олеарий отмечает, что плачущие русские женщины ползали на коленях или даже просто лежали на земле.¹ Олеарий, между прочим, познакомился в Нарве с неким русским по имени Филипп (фамилию его Олеарий не называет). Русский этот поразил Олеария своими свободными взглядами на посты, иконы и вообще обрядовую сторону у православных.

Притеснения, которым подвергались русские в Нарве и Ивангороде, за это время, свидетельствуются различными источниками. Карл X, вступив на шведский престол в 1654 г., поспешил выдать грамоту нарвским жителям, подтверждавшую привилегии, полученные ими от его предшественников. Выдал он и особую грамоту ругодивским торговым людям православного исповедания (от 20 ноября 1654 г.), в которой, между прочим, дозволялось им выписать из Киева дьякона для освящения церквей и разрешалось какое-то судебное дело (эту последнюю грамоту приводит Белоус — л. 21). Однако впоследствии притеснения русских только усиливались. Положение русских было особенно тяжелым из-за враждебных отношений к русским нарвских „боргаров“ (бюргеров). Налоги на русских были так велики,² что русские покидали свои дома и уходили из города. Нарвский городской совет издал даже 23 октября 1665 г. распоряжение об осмотре Ивангородского форштадта и о конфискации домов тех жителей, которые оставили их на произвол судьбы и ушли из города. Известны случаи и принудительного выселения русских жителей. В 1674 г. состоялся указ о выселении русских жителей из Ивангорода. Русским купцам предписывалось переселиться в Нарву с тем, чтобы построить там каменные дома (предложение для разоренных русских купцов явно неосуществимое). Тех же, кто этого сделать не сможет, предписывалось выселить в Копорье. Об одном из таких выселений и говорит Леонтий Белоус в своем плаче о реке Нарове. Можно установить точно, о каком именно выселении говорит Белоус:

¹ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. Перевод П. Барсова, М., 1870, стр. 16 и сл.

² Н. Н а н с е н. Geschichte der Stadt Narva. Dorpat, 1858, стр. 103—106, 109. — См. также: А. В. П е т р о в. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901, стр. 162 и сл.

на л. 36 об. рукописи читается список с „челобитной“, которую Белоус и Жданов подавали в 1664 г. Карлу XI с просьбой не выселять русских жителей Ивангорода на „место пусто возли воды“, где грузят суда, за деревню Юлду. На место это, писали Белоус и Жданов, „отнюдь ни коим обычаем недзе уселитсе“. Выселение русских из Ивангорода, несмотря на челобитную Белоуса и Жданова, однако, продолжалось. Ответом на нее явился лишь указ Карла XI нарвскому генерал-губернатору избрать для выселения русских иное место (л. 40 рукописи).
